Взгляды всех учеников, профессоров и директоров были прикованы к колеблющемуся пламени Кубка Огня. Все ждали, кто же первым бросит свое имя? Может это будет суровый ученик Дурмстранга? Прекрасная шармбатонка? Или, быть может, кто-то из более знакомых и близких учеников Хогвартса? Под таким давлением многие, кто уже искал клочок пергамента и перо, чтобы написать свое имя, не решались встать. Напряжение было столь густым, что казалось, его можно резать ножом. Послышался скрип лавки и шорох шагов. Мгновенно храбрец, который посмел встать, оказался под прицелом сотен глаз. В практически абсолютной тишине прозвучал удивленный и возмущенный голос прекрасной девушки с каштановыми волосами, из-за чего взгляды переключились на нее:

— Гарри?! — Гермиона была в шоке. Гарри ни разу не говорил что собирается участвовать! Надеюсь, что ошиблась, она воскликнула: — Ты куда собрался?

— Как куда? Бросить свое имя в Кубок! — улыбнулся ей парень в ответ. — Я не собираюсь пропустить такое веселье. А то прошлый год был какой-то скучный.

— Мистер Поттер, — с сарказмом подал голос Северус Снейп, который был благодарен за возвращение матери, из-за чего совершенно перестал хоть как-то пытаться унижить Гарри, но обида на Поттеров в нем была так сильна, что он не мог ее до конца побороть. Да и не хотел, если быть честным с самим собой. Особенно после того, как Сириус начал ухлестывать за Эйлин, а та, к его разочарованию, отвечала взаимностью. Устоять перед романтичным, харизматичным и красивым мужчиной было бы сложно для многих девушек, а уж миссис Снейп, которая была обделена мужским вниманием и имела множество комплексов из-за мужа-тирана, тем более. — Вы не слышали, что сказал директор Дамблдор? Или правила школы вас не касаются?

— Директор Дамблдор сказал, что установил ограничительную черту. Он не сказал, что ее запрещено пересекать, — сказала Гарри, смотря на улыбающегося в кубок старца, который ему кивнул.

— Гарри Поттер прав, — ответил Альбус, вытерев бороду и вставая с кресла. Уж он-то понимал, что Гарри исключение, так как видел, что тот сотворил с Азкабаном. Да и о многих других его «фокусах» был осведомлен. — Ограничительную черту можно пересечь. Если вы сделаете это своими силами — то вы докажете свое право участвовать. Но не думайте, что это будет так просто.

— Мистер Дубль'дог, — возмутилась Олимпия Максим, — мы так не договаривались. Если бы я знала об этом, то привезла бы больше участников.

— Можете воспользоваться моим камином, — поднял руки Дамблдор. Он не мог доказать силу Гарри словами, а заставлять его не хотел, поэтому, как всегда, принял огонь недовольства на себя. — В любом случае, избраны будут всего три сильнейших участника.

— Такой компромисс нас устроит, — ответил Каркаров, а Олимпия кивнула ему.

Ученики же только обрадовались этим словам, ведь это значило, что у них есть шанс. О том, что Альбус Дамблдор был великим волшебником еще когда даже не родились их родители, они и не вспомнили. Недовольной были только участники старше семнадцати лет, ведь это значило, что у них появились соперники, и Гермиона. Ей хотелось вскочить, схватить Гарри и утащить обратно или наорать на него. Но кому, как не ей, знать, на что он способен, и если парень что-то решил, то от своего не отступит. Нет, она может настоять или выдвинуть ультиматум... Но отчего-то девушка понимала, что это будет даже неправильней, чем если она устроит истерику. Она вдруг представила, что Гарри запрещает ей читать, например, и угрожает расстаться. Именно поэтому она промолчала сейчас, но готовила аргументы и возмущения для того момента, когда они останутся наедине. Все снова замолчали, увидев, как Гарри подошел к слабо светящейся черте, которая опоясывала Кубок Огня кругом радиусом в два метра. Парень, не сбавляя хода, прошел его, будто никакого ограничения нет, вытащил из кармана мантии клочок бумаги и бросил его в огонь, который вспыхнул на мгновение и снова опал. Зал ахнул, и ученики с профессорами начали бурно обсуждать этот инцидент. Пошли слухи, что ограничение не работает.

— Рон, смотри, там нет никакого ограничения, — заговорщицки прошептал Фред своему младшему брату на ухо.

— Иначе Гарри никак бы не прошел, — вторил на второе ухо Джордж.

— И правда! Гарри то, Гарри се, — расправил Рон свои плечи, взяв любезно предложенное перо и пергамент у своих братьев. — Я и сам ничуть не хуже!

Впрочем, оказавшись под пристальными взглядами окружающих, Рон немного потерял боевой задор. Но поджопник от Фреда и желание прославиться помогли ему подойти к границе. Где он и остановился, снова испугавшись.

— Что, Уизли, струсил? Зачем тогда подходил? — усмехнулся Драко Малфой из-за стола Слизерина.

— Кто струстил? Я? — возмутился Рон и храбро шагнул вперед. Гарри стало жалко в общем-то неплохого парня, который всегда жил в тени своих братьев. Особо они не общались, но их семьи дружили, так что он помог ему пройти. Быстро бросив дрожащими руками пергамент, Уизли, улыбаясь во все лицо и стараясь делать вид, что совсем не нервничал, крикнул Малфой: — Ну, что теперь скажешь? И кто тут трус? Может быть сам подойдешь и бросишь свое имя в кубок? Или ты только болтать горазд?

— Больно мне надо чего-то тебе доказывать, Уизли, — ответил Драко, который сам себя загнал в ловушку. Произойди все как обычно, в коридорах, и он мог бы потом отбрехаться или прикрыться Снейпом. И кто его только дернул его за язык? Но с другой стороны, подумал Малфой, вдруг ограничитель реально не работает? И это просто фикция? Взяв красивый шелковый платок с серебряной вышивкой и написав чарами на нем своим именем каллиграфическим почерком, Драко как аристократ поднялся и плавной походкой отправился к Кубку, даже не оглянувшись на стоящего рядом с ним Уизли. Точнее, это он думал, что плавно шел, а на самом деле его ноги дрожали и двигался он механически. После того, как он

заступил за ограничительную линию, та вспыхнула ярким светом, и Драко отбросило на пару метров, из-за чего он проехался по полу, врезался в стол Когтеврана и на его голову вылилось несколько литров пунша.

— Это нечестно! Почему только гриффиндорцы могут пройти?! Я пожалуюсь отцу! — Малфой убежал из Зала, не зная, куда себя деть от стыда. Таким образом все поняли, что ограничительная линия есть и она работает, просто каким-то образом Поттеру и Уизли удалось ее пройти. И нет, Драко ошибся, больше ни одного гриффиндорца моложе семнадцати лет линия не пропустила. И если с Поттером было все понятно — он избранный, то вот Рон стал звездой на несколько недель. Впрочем, шестой Уизли очень быстро понял, что у славы есть как приятная лицевая сторона, так и дурно пахнущая задняя, и если одни его славили и хвалили за то, что он так ловко перешел через линию и обманул Малфоя, то другие все выпытывали у него «секрет». А когда Рон не смог сказать, как он преодолел барьер, то его начали обвинять в мошенничестве и даже оскорблять. Так парень навсегда получил «прививку» от славы.

— Гарри! — Гермиона еле дождалась, когда сможет выцепить своего своевольного возлюбленного из цепких лап гриффиндорцев, которые нажирались в три горла, отмечая успех сразу двух софакультетников, которые смогли «опрокинуть» систему. То, что они снова утерли нос Слизерину, только добавляло радости. Девушка, поджав губы, вытащила его из гостиной и завела в неиспользуемый класс. Благодаря «уборке» парня тут было чисто, а мебель блестела как новая. — Почему ты мне ничего не сказал?

— Что не сказал? — почесал затылок парень. Он не был дураком, просто действительно не понимал, за что его ругает девушка.

— Что ты собираешься кинуть свое имя в Кубок Огня! Это совершенно безрассудный, глупый и ужасный поступок, — накручивала девушка сама себя. — Я так мало для тебя значу, что ты не удосужился об этом сказать мне?

— Гермиона... — Гарри попытался вставить слово, но куда там, покрасневшая фурия, которая до этого долго сдерживала себя, теперь прямо взорвалась праведным гневом.

— Если решил убиться, то я сама тебя прибую! Ты не понимаешь, как я себя чувствовала, когда ты вышел?! Я обижена, испугана и разгневана!

Парень «подключился» к чувствам девушки и отшатнулся. Боль и обида на его так называемое пренебрежение, о котором он даже не подумал, были столь сильны, что Гарри отшатнулся назад, переводя дыхание. Но, вместе с тем, там было столько любви и скрытой заботы, волнения, что он стал ругать сам себя мысленно. Если бы не огромная сопротивляемость магии, то он бы проклял сам себя случайно. Он вышел из временного потока и усиленно раздумывал, что ему делать. Оправдываться? Нет, она на эмоциях его сейчас не услышит. Или еще хуже, услышит, но не так поймет. Убежать? Еще хуже, она тогда его никогда не простит. В голове пролетали сотни советов от Сириуса, мамы и отца, выдержки из книг и образы

прошедших столетий. И вдруг Гарри выбросил все это из головы и сделал то, что ему подсказывало сердце. Он шагнул вперед и поцеловал Гермиону, соединив при этом их эмоции. Передавая всю нежность и любовь, что он испытывает к этой девушке, что всегда была с ним. Не испугалась его способностей, помогала ему во всех начинаниях, а также не отвергла его чувств, когда он был совсем неопытным и наивным. Девушка вначале машинально попыталась оттолкнуть его, но быстро обмякла, отвечая все более напористо. Парочка сама не заметила, когда их поцелуй стал французским и началась борьба языков во рту. Осоловело Гермиона сказала:

— На этот раз ты прощен. Но в следующий раз не отделаешься так легко.

— А что будет в следующий раз? — скопировав хитрую ухмылку своего отца, когда тот тащит на руках маму в спальню, спросил Гарри.

— Не то, что ты подумал, извращенец! — девушка в мгновение ока покраснелась как помидор и выбралась из его объятий, широкими шагами направляясь к выходу из кабинета. Уже у самой двери она повернула голову и сказала: — И вообще, у меня для этого зелья еще не готовы!

— И кто тут извращенец? — растерянно глядя на громко захлопнувшуюся дверь, проговорил Гарри. — Я вообще об «этом» пока не думал.

Впоследствии ему еще пришлось пережить неприятный разговор с матерью, но Лили гораздо лучше понимала силу своего сына, и потому не особо-то и ругала его. Больше гордясь. О Сириусе и Джеймсе говорить нечего — те хвастались всем, кто желал и не желал слушать, своим сыном и крестником еще до этого поступка.

Через три дня во время ужина Альбус Дамблдор снова подошел к Кубку Огня. Он подмигнул Гарри и сполна насладился кислыми рожами директоров двух других школ. Ведь никто из их воспитанников младше семнадцати лет ни с помощью зелий, ни чар, ни хитромудрых артефактов пересечь линию так и не смог. Нет, ученики Хогвартса тоже пытались, но их утешало хотя бы то, что Рон и Гарри смогли, что уже показывало превосходство их школы. То, что это заслуга самих парней, в расчет не бралось. Люди часто приписывают себе чужие успехи только на основании принадлежности к одной школе, группе, классу или движению, но при этом отрицая неудачи зачастую тех же людей. Например, все знают, что Альбус Дамблдор учился на Гриффиндоре, и гриффиндорцы жутко этим гордятся, но вот то, что в Лютном переулке большую часть отребья составляют тоже они, деликатно опускается. К слову, слизеринцы и когтевранцы этим также часто грешат, разве что хаффлпаффы сидят тихо и незаметно, молча о том, что подавляющее большинство Министров Магии были выходцами с их факультета.

— Кто-нибудь еще хочет бросить свое имя? — спросил старец, усилив свой голос невербальным Сонорусом, приложив кончик волшебной палочки к горлу. — Нет? Тогда начнем отбор чемпионов Турнира Трех Волшебников! Все ученики, имена которых выбросит Кубок Огня и

которые я прочту вслух, должны будут отправиться в комнату для чемпионов за моей спиной, — Альбус дотронулся палочкой до голубого пламени, которое взметнулось на метр вверх и выбросило обгоревший прямоугольный кусок пергамента с надписью, сделанной грубым, рубленным почерком:

— Чемпион Дурмстранга, Виктор Крам!

Раздались аплодисменты, в основном из-за стола Слизерина. Широкоплечий атлетичного вида парень с короткой стрижкой и суровым взглядом, выглядевший лет на двадцать пять, а не на свои восемнадцать, прошел к комнате чемпионов. На него не отрываясь одобрительно смотрел Игорь Каркаров. Казалось, что Краму такое излишнее внимание его директора совершенно не нравилось. Пламя вновь взмыло на метр вверх и выбросило красиво сложенный зонтиком кусочек пергамента с именем, написанным каллиграфическим почерком на французском языке.

— Чемпион Шармбатона, Флер Делакур!

Вместе с аплодисментами, в основном мужского населения, которое с удовольствием рассматривало попку вейлы в обтягивающей форме французской школы, раздались горестные вскрики и плач девушек, которых не выбрали. Делакур же, заходя в комнату, напоследок оглянулась, посмотрев на Поттера. О, теперь она многое знала о нем, и к инстинктам вейлы прибавился женский интерес. Ей было интересно, что это за парень и как он умудрялся последние три дня избегать ее внимания? То, что у него уже есть девушка, ее волновало, но больше в плане того, как та стала такой красивой. Ведь по рассказам парней, которые готовы были поведать ей о всех своих секретах, стоило только попросить, с радостью поделились информацией, что Гермiona Грейнджер при поступлении ничем особенно не выделялась среди остальных. Скорее она была даже ниже среднего по привлекательности — «бобриные» передние зубы, кошмар из вьющихся на голове волос, вполне обычное для британки лицо, ну, может чуть покрасивее, чем у чистокровных. И вдруг она выпивает зелье внутренней красоты и навсегда становится девушкой, которая по внешности может дать фору вейле. Поттер был окружен тайнами, и тем интереснее становился для француженки. В это время наконец-то в третий раз взвилось пламя, на это раз до самого потолка и в форме синего огненного торнадо. Дамблдор решил, что Кубок сейчас взорвется и выставил щиты, чтобы защитить в первую очередь учеников. Но взрыва не последовало, с потолка спланировал одинокий пергамент, который кружась упал в руку директора. Развернув его, он не был удивлен. Все, что касалось этого ученика, просто не могло быть обычным:

— Чемпион Хогвартса, Гарри Поттер.

На этот раз рукоплескал весь Хогвартс, кроме половины Слизерина и надувшегося Рона. Прилюдно кинув свое имя в Кубок, Гарри уже доказал свой ум, хитрость, храбрость и открытость. Более того, он своим поступком дал дорогу и остальным. А Рон и другие директора опровергли возможность помощи Дамблдора. Так что если завистники и были, они молчали.

— Удачи, друг... — коротко произнес немного стесняющийся Невилл.

— Покажи этим мозгошмыгам, кто тут хозяин, — улыбнулась Луна.

— Гарри... Будь осторожнее, хорошо? — попросила Гермиона, отпуская руку парня, в которую вцепилась с самого начала церемонии.

— Конечно, буду, — ответил он ей с улыбкой. — Спасибо, друзья. Ну, я пошел.

Комната чемпионов была обставлена как большая гостиная с камином и полукруглым диваном, перед которым стоял столик с закусками. Флер и Крам стояли в центре и что-то бурно обсуждали, когда в помещение вошел Гарри. Виктор скользнул взглядом по новоприбывшему, но ничего не сказал. Ему было все равно, прошел тот хитростью или действительно достоин участвовать, конкурент есть конкурент, и недооценивать парня из-за возраста он не собирался. Годрик быстро выбил из их голов такую глупость, как недооценка врага, принимая облики детей и красивых женщин с помощью метаморфизма. Да и в их Легионе встречались дети, которые потом становились сильнее взрослых — активные тренировки и использование магии давало о себе знать. Флер же благожелательно спросила:

— Ты к кому-то из нас или тебя выбрали чемпионом? — последнее еще три дня казалось бы ей нонсенсом. Чтобы Кубок и выбрал четверокурсника? Но не после всех тех слухов, которые окружают парня.

— Я тоже чемпион, — с радостью ответил он, протягивая руку Краму. — Меня Гарри зовут.

— Виктор, — звездной болезнью парень не страдал и пожал неожиданно твердую и сильную руку.

— Флер.

Гарри поцеловал воздух над протянутой рукой девушки. Уж этикет — одно из первых, чему мама начала учить его.

— Я вижу, вы оба из Легиона Годрика? — поинтересовался он, пока снаружи директора и прибывшие гости в лице Министра Магии Корнелиуса Фаджа и знакомого уже Барти Крауча рассказывали о прохождении будущих испытаний и всю передавалась словоблудию под названием «речь».

— А что, хочешь вступить? — спросила Делакур. — Это будет не так-то просто.

— Да нет, — усмехнулся Гарри, принимая облик, который имел в лагере, и делая видимой синюю нашивку на груди с цифрой 1381. — Ну, привет, заместитель командира.

— Командир? — вытаращил глаза Крам. — Нет, это все иллюзия!

— Глаза разуй, нашивку не подделать. Или мне припомнить, как ты уснул в первом своем патруле? — смена облика будто бы изменила самого Гарри. Ведь там ему приходилось отыгрывать более взрослую роль. — А еще был тот случай с тремя литрами выпитой воды...

— Нет, я все понял, командир! — остановил Крам рассказ об одном постыдном случае, о котором даже его десяток не знал. Гарри принял свой настоящий облик обратно.

— Только не говорите никому, мне лишняя слава ни к чему, — попросил Гарри, затем последовали два согласных кивка.

Просьба боевого брата или сестры это не то, от чего стоит отмахиваться. Флер же стала еще более заинтересованной. В десятники не брали абы кого, а только тех, кто умел не просто отдавать команды, а именно командовать. То есть они разбирались в тактике, могли сплотить своих бойцов и заставить их выполнить приказ не угрозами, а уважением к себе. Ну и, естественно, они часто были сильны магически. Правда, Гарри особо старался не выделяться, иначе он мог бы быть сотником или даже тысячником несмотря на недостаток опыта.

— Так сотники «огненная Лили» и «железный Джеймс» — ваши родители? Почему-то я не удивлен, — задумчиво сказал Крам.

— «Черный пес» также мой крестный, — дополнил Гарри.

— Наше воссоединение нужно отметить, командир. Флер, ты тоже присоединяйся, пусть ты не из нашего десятка и даже не из нашей сотни, но все равно наша боевая сестра.

Перед тем, как в комнату вошел Гарри, Виктор и Флер обсуждали свое обучение. С посторонними они этого не делали, не потому что это какой-то секрет, а просто обычный маг не поймет, что они пережили.

— И что ты предлагаешь? — спросил Поттер.

— Айда к нам на корабль. Копченое сальце, картошечка, холодец, шашлычок, а девчонки салатики сварганят, — заговорщицки, как дьявол, нашептывал Крам. Спойть командира хотелось еще в лагере, но там за всем строго следил Годрик. — Самогоночка есть, чистая как слеза единорога. Настоечки на волшебных травах.

— Ты так р'ассказываешь, что я сама уже захотела, — сглотнула слюну Делакур.

— Ну, хорошо, только я пить не буду, — строго сказал Гарри.

— Не вопрос, командир.

Задача «напоить командира» стала только интереснее. И возраст парня Крама не смущал, так как он не мешал им пить кровь и есть мозги во время обучения. Флер также находилась в предвкушении, ведь пьяного парня проще соблазнить или, как минимум, разговорить.

<http://tl.rulate.ru/book/47251/1283464>